

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2020.43.18.033

**Актуальные вопросы применения элементов
принуждения в отношении лиц, не являющихся
подозреваемыми или обвиняемыми, при производстве
следственных действий, не требующих судебного решения**

Медведев Сергей Владимирович

Заместитель начальника,
2 отдел УУР ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области,
адъюнкт,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
191015, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Суворовский просп., 50/52;
e-mail: sergei01041979@yandex.ru

Аннотация

В статье проводится анализ действующего уголовно-процессуального законодательства России, регламентирующего процессуальные действия, содержащие элементы принуждения в отношении лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, не требующие судебного решения. Автор приходит к выводам, что процессуальные действия, не требующие судебного решения, в различной степени обладают элементами принуждения. Целью статьи является анализ существующих точек зрения, их положительных и дискуссионных моментов, а также формулировка авторской позиции на данный институт. В работе показано, что уголовно-процессуальная деятельность всегда имеет принудительный характер. Анализ всех следственных действий, направленных на собирание доказательств, на розыск лиц, совершивших преступление, позволяет сделать однозначный вывод - сущность уголовно-процессуальной деятельности пронизана принудительностью. При рассмотрении характера и сущности уголовно-процессуальной деятельности невозможно отделить ее от производства следственных действий, так как именно они являются содержанием уголовного процесса и в то же время именно они являются действиями, при которых вторжение в сферу личной свободы, неприкосновенности лица неминуемо.

Для цитирования в научных исследованиях

Медведев С.В. Актуальные вопросы применения элементов принуждения в отношении лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, при производстве следственных действий, не требующих судебного решения // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 11А. С. 345-352. DOI: 10.34670/AR.2020.43.18.033

Ключевые слова

уголовный процесс; уголовное судопроизводство; принудительные действия; права и законные интересы; участники уголовного процесса; следственные действия; процессуальные действия.

Введение

Теория производства следственных действий, не требующих судебного решения и практика их применения в уголовном судопроизводстве, являются предметом научных исследований на протяжении всего времени существования науки уголовного процесса. Уголовно-процессуальное право регулирует наиболее острую сферу взаимоотношений государства и личности, в ходе которых нередко возникает необходимость ограничения наиболее значимых прав граждан. [Капинус, 2007, с. 46]. Одной из актуальных и весьма сложных проблем, возникающих при производстве процессуальных действий, на производство которых не требуется получение судебного решения, является обеспечение уполномоченными лицами прав и законных интересов лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, участвующих при их проведении.

Поиск доказательств в рамках расследования уголовного дела по праву является трудоемким и ответственным процессом, который предполагает от должностных лиц использование профессионального опыта, знаний и приложения максимальных усилий, направленных на раскрытие преступления и установление лица, совершившего преступление, при соблюдении требований, установленных действующим уголовно-процессуальным законодательством. Только справедливость разрешения уголовного дела оправдывает применение ограничений прав и свобод человека. Это обуславливает необходимость комплексного разрешения целого ряда проблем, возникающих при реализации соответствующих положений уголовно-процессуального законодательства, отмечает О.Ю. Слободенюк. [Слободенюк, 2010, с. 40].

Основное содержание

Механизмом сбора доказательств является проведение следственных действий, порядок производства которых предусмотрен уголовно-процессуальным законодательством. Неукоснительное соблюдение законодательства при производстве следственных действий, в том числе и при производстве.

Характерным примером производства таких следственных действий является освидетельствование (ст. 179 УПК РФ) и получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст.179 УПК РФ следователь для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы, может провести освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний.

Между тем, И. Л. Петрухин справедливо полагал, что «физическому принуждению в данном случае без согласия не могут быть подвергнуты также и потерпевшие». Автор пишет: «Потерпевшему причинен вред преступлением, и нельзя не считаться с этим при решении вопроса о возможности причинения ему дополнительного ущерба, связанного с применением процессуального принуждения. Следует уважать чувство стыдливости и свидетеля». [Петрухин, 1989, с.139].

Представляет интерес позиция И. А. Цховребовой. Она отмечает, что «данная норма (ст. 179 УПК РФ) представляется неудачной с точки зрения лексико-грамматического построения, поскольку не устанавливается одно из главных обстоятельств – возможность применения физического принуждения в случае отказа». [Цховребова, 2015, с.174–186].

Буквальное толкование данной нормы позволяет констатировать, что в случае необходимости «для оценки достоверности показаний» свидетеля, сотрудники правоохранительных органов могут освидетельствовать его в принудительном порядке. Более того, для принудительного производства данного следственного действия закон не требует судебного разрешения: ч. 2 указанной статьи закрепляет, что «о производстве освидетельствования следователь выносит постановление, которое является обязательным для освидетельствуемого лица».

Представляется, что сформулированное предложение М.С. Строговичем полностью соответствует функции института освидетельствования в уголовном процессе, а именно: «потерпевшие и свидетели помимо их воли, принудительно не могут быть подвергнуты освидетельствованию, поскольку закон заботится не только об установлении истины, но и о том, чтобы она достигалась средствами, не ущемляющими законные интересы личности». [Строгович, 1972, с.126].

Между тем, следует согласиться с мнением И. А. Антонова, который утверждает, что «освидетельствование, сопряженное с принудительным обнажением тех частей тела потерпевшего, свидетеля, которые обычно скрываются под одеждой (особенно по делам о половых преступлениях), недопустимо во всех случаях». [Антонов, 2003, с.161–162].

И наконец, недопустимо игнорировать тот факт, что упомянутые лица уголовному преследованию не подвергаются. А потому, как справедливо отмечает С. Г. Любичев: «принуждение по отношению к лицу, заведомо не причастному к преступлению, каким является свидетель, а тем более по отношению к потерпевшему, которому уже причинен вред преступлением, не может быть оправдано задачами борьбы с преступностью, ибо эти задачи могут быть успешно решены лишь при неуклонном соблюдении прав и законных интересов граждан». [Любичев, 1980, с.57].

В целом соглашаясь с мнением авторов, полагаем, что такое процессуальное действие, как освидетельствование, применяемое к лицам, не являющимся подозреваемыми или обвиняемыми, само несет в себе значительный элемент принуждения. В это связи важнейшей задачей правоохранительных органов, следствия (дознания) при проведении освидетельствования является неукоснительное соблюдение принципа неприкосновенности личности, гарантируемого Конституцией Российской Федерации.

Следующим процессуальным действием, содержащим элементы уголовно-процессуального принуждения, которое мы рассмотрим в рамках настоящей статьи, является получение образцов для сравнительного исследования, предусмотренное ст. 202 УПК РФ.

Изменения, произошедшие в уголовно-процессуальном законодательстве в последние годы, повысили требования к процессуальному порядку собирания доказательств и, в частности, к строгому соблюдению закона при производстве следственных действий. Особенно наглядно это проявляется в отношении возможности принудительного получения образцов для сравнительного исследования. [Пономаренко, 2016, с.99-106].

Согласно ч. 1 ст. 202 УПК РФ следователь вправе получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля,

потерпевшего, а также в соответствии с частью первой статьи 144 УПК РФ у иных физических лиц и представителей юридических лиц в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах, и составить протокол в соответствии со статьями 166 и 167 УПК РФ, за исключением требования об участии понятых.

О получении образцов для сравнительного исследования следователь выносит постановление. В необходимых случаях получение образцов производится с участием специалистов. Если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы, то оно производится экспертом. В этом случае сведения о производстве указанного действия эксперт отражает в своем заключении (чч.3, 4 ст. 202 УПК РФ).

На сегодняшний день однозначно можно сказать, что остается спорным вопрос о способах получения образцов для сравнительного исследования у лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми.

Так, по мнению А. А. Скибинского: «если лицо категорически отказывается от дачи образцов, данное действие произведено быть не может, допускается использовать только убеждение, и принуждение не применяется» [Скибинский, 2006, с.63]. Е. Р. Россинская, напротив, полагает, что в «исключительных случаях при отказе предоставить образцы, те из них, характер которых это допускает, могут быть получены принудительно» [Россинская, 2002, с.36]. В. Т. Томин и М. П. Поляков, представляя нижегородскую процессуальную научную школу и допуская при производстве следственного действия, предусмотренного ст. 202 УПК РФ, «разумное принуждение», обращают внимание на недопустимость злоупотребления им. Б. К. Брагер выражает несогласие с указанным мнением и полагает, что «принуждение невозможно без применения насилия, в том числе и физической силы, что сопряжено с нарушением личной неприкосновенности, унижением чести и достоинства человека, чьи экспериментальные образцы необходимо получить» [Ушаков, Расулова, 2019].

Таким образом, в настоящее время среди ученых остается дискуссионным вопрос об обоснованности принудительного изъятия образцов для сравнительного исследования у лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми. При этом не подлежит сомнению положение, что важнейшим требованием к проведению рассматриваемого следственного действия является исключение применения методов и техник, унижающих человеческое достоинство и способных нанести вред здоровью лиц, подвергнувшихся изъятию образцов для сравнительного исследования.

Далее рассмотрим основания применения и проведения личного обыска на предмет наличия элементов принуждения в отношении лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми. В соответствии с ч. 2 ст. 184 УПК РФ предусмотрена возможность личного обыска любого лица, которое находится в помещении или ином месте, в котором производится обыск, если есть основания полагать, что при нем могут находиться вещи или документы, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Личный обыск по своему характеру, а также по восприятию самого обыскиваемого является мерой уголовно-процессуального принуждения, затрагивает его основные конституционные права, свободы и неприкосновенности личности, право на достоинство, на неприкосновенность частной жизни и личной тайны (ст. 21-24 Конституции РФ). [Россинская, 2002, с.201-203]. Выдающийся правовед И. Л. Петрухин, раскрывая понятие личного обыска, применяет к нему определение «следственное действие», которое предполагает правомерное ограничение

телесной неприкосновенности личности и, как правило, сопряжено с принуждением. [Петрухин, 1985, с.112].

Н. В. Ткачева пишет, что «такое следственное действие, как личный обыск, непосредственно вторгается в сферу охраняемых Конституцией РФ прав и законных интересов, требует безусловного исполнения предписаний уголовно-процессуального закона, соблюдения процессуальных и этических норм при его осуществлении, должного оформления результатов». [Ткачева, 2008, с.60-65].

Рассматривая практические проблемы, возникающие при производстве личного обыска, Р. Я. Мамедов пишет: «Работники полиции проводили личный обыск под видом осмотра места происшествия, а также изымали предметы преступления вне процессуальным способом, отдавая их под расписку потерпевшим, а затем после возбуждения уголовного дела изымали их с помощью выемки». [Мамедов, 2015, с.159].

Таким образом, УПК РФ допускает производство неотложного личного обыска в отношении лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, при этом данное следственное действие, обладая явными признаками принуждения, ограничивает права рассматриваемых участников уголовного процесса на неприкосновенность личности, и требуют от следователя (дознателя) соблюдения норм закона. Важную роль при этом играет психологический (моральный) фактор, когда лица, не являющиеся подозреваемыми или обвиняемыми, и не совершавшие противоправного деяния, вынуждены подвергаться принуждению на протяжении определенного промежутка времени и испытывать существенный дискомфорт при проведении рассматриваемого следственного действия.

Общепризнанно, что институт следственных действий представляет собой значительную часть уголовно-процессуального права, регулиующую основания, условия и порядок реализации полномочий должностного лица при осуществлении доказывания по уголовному делу. Первичными элементами данного института являются нормы, регламентирующие процессуальные отношения между органами расследования, уполномоченными на осуществление производства по уголовному делу, и участниками, вовлеченными в судопроизводство, процессуальный статус которых, с одной стороны, включает обязанность следовать указаниям органа расследования (ч. 4 ст. 21 УПК РФ), а с другой — гарантированные Конституцией РФ права на защиту собственных интересов. Споры о принудительности следственных действий возникают, как правило, в части правоотношений, связанных с исполнением обязанностей, возложенных на участников, например обязанности подвергнуться освидетельствованию или судебной экспертизе, предоставить образцы для сравнительного исследования, исполнить требования следователя при производстве обыска и т.д.

Заключение

Уголовно-процессуальная деятельность всегда имеет принудительный характер. Анализ всех следственных действий, направленных на собирание доказательств, на розыск лиц, совершивших преступление, позволяет сделать однозначный вывод - сущность уголовно-процессуальной деятельности пронизана принудительностью. При рассмотрении характера и сущности уголовно- процессуальной деятельности невозможно отделить ее от производства следственных действий, так как именно они являются содержанием уголовного процесса и в то же время именно они являются действиями, при которых вторжение в сферу личной свободы, неприкосновенности лица неминуемо.

Библиография

1. Капинус Н.И. Понятие и система мер уголовно-процессуального принуждения // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 1. С. 46.
2. Ткачева Н.В. Применение принуждения в уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 28 (128). С. 60.
3. Слободенюк О.Ю. Условия правомерности применения мер уголовно-процессуального принуждения // Человек: преступление и наказание. 2010. № 4. С. 40.
4. Вершинина С.И. О юридической природе, понятии и системе уголовно-процессуального принуждения // Журнал российского права. 2016. № 5 (233). С. 94.
5. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / отв. ред. И. Б. Михайловская – М.: Наука, 1989. С. 139.
6. Цховребова И. А. Проблема допустимости принуждения при производстве следственных действий и иных процессуальных действий // Публичное частное право. 2015. № 4 (28). С. 174–186.
7. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. – М., 1972. Т. 2. С. 126.
8. Антонов И. А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей. – СПб., 2003. С. 161–162.
9. Любичев С. Г. Этические основы следственной тактики. – М., 1980. С. 57.
10. Пономаренко Е. В. Основания для принудительного получения образцов для сравнительного исследования // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 2. С. 99–106.
11. Скибинский А. В. Получение образцов для сравнительного исследования // Уголовный процесс. 2006. № 1. С. 63.
12. Россинская Е. Р. Проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Материалы междунар. науч. конф., посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. – М., 2002. С.36.
13. Ушаков А.Ю., Расулова Н.С. К вопросу о применении принудительных мер при получении образцов для сравнительного исследования // Вестник Уральского юридического института МВД России» № 2(22), 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:<https://zakoniros.ru/?p=34368> (дата обращения 09.01.2020).
14. Губин Р. Н. Понятие и сущность личного обыска: вопросы теории: сб. статей XXVII Международного научно-практического конкурса. Пенза, 30 августа 2019 г. С. 201–203.
15. Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. –М.: Наука, 1985. С. 112.
16. Ткачева Н. В. Применение принуждения в уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2008. № 28 (128). С. 60–65.
17. Мамедов Р. Я. Личный обыск в контексте рассмотрения надлежащих способов собирания вещественных доказательств в досудебном уголовном производстве // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 159.

Actual issues application of applying elements of coercion in relation to persons who are not suspects or accused when conducting investigative actions that do not require a court decision

Sergei V. Medvedev

Deputy Head,

2nd Department of the Criminal Investigation Department of the Main Directorate
of the Ministry of Internal Affairs of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region,

Adjunct,

Department of criminal procedure,

St. Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia,
191015, 50/52, Suvorovsky ave., Saint-Petersburg, Russian Federation;

e-mail: cergei01041979@yandex.ru

Sergei V. Medvedev

Abstract

The article analyzes the current criminal procedure legislation of Russia, which regulates procedural actions that contain elements of coercion against persons who are not suspects or accused, and do not require a court decision. The author comes to the conclusion that procedural actions that do not require a court decision, to varying degrees, have elements of coercion. The purpose of the article is to analyze the existing points of view, their positive and controversial points, as well as to formulate the author's position on this institution. The paper shows that criminal procedural activity is always compulsory. The analysis of all investigative actions aimed at collecting evidence, searching for persons who have committed a crime, allows us to draw an unambiguous conclusion - the essence of criminal procedural activity is permeated with compulsion. When considering the nature and essence of criminal procedural activity, it is impossible to separate it from the production of investigative actions, since they are the content of the criminal process and at the same time they are the actions in which the invasion of the sphere of personal freedom, inviolability of a person is inevitable.

For citation

Medvedev S.V. (2020) Aktual'nye voprosy primeneniya elementov prinuzhdeniya v otnoshenii lits, ne yavlyayushchikhsya podozrevaemymi ili obvinyaemymi, pri proizvodstve sledstvennykh deistvii, ne trebuyushchikh sudebnogo resheniya [Actual issues application of applying elements of coercion in relation to persons who are not suspects or accused when conducting investigative actions that do not require a court decision]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 10 (11A), pp. 345-352. DOI: 10.34670/AR.2020.43.18.033

Keywords

Criminal trial; criminal legal proceedings; compulsory actions; rights and legitimate interests; participants of criminal trial; investigative actions; procedural actions.

References

1. Kapinus N. I. The concept and system of measures of criminal procedural coercion // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2007. No. 1. p. 46.
2. Tkacheva N. V. The use of coercion in criminal procedure activities // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2008. No. 28 (128). p. 60.
3. Slobodenyuk O. Yu. Conditions for the legality of the use of measures of criminal procedural coercion // Man: crime and punishment. 2010. No. 4. P. 40.
4. Vershinina S. I. On the legal nature, concept and system of criminal procedural coercion // Journal of Russian Law. 2016. No. 5 (233). S. 94.
5. Petrukhin I. L., Inviolability of personality and coercion in criminal proceedings / ed. edited by I. B. Mikhaylovskaya, M.: Nauka, 1989. P. 139.
6. Tskhovrebov I. A. the Problem of the permissibility of coercion in the performance of investigative acts and other procedural actions Public private law. 2015. No. 4 (28). pp. 174-186.
7. Strogovich M. S. Course of the Soviet criminal process: in 2 vols. - M., 1972. Vol. 2. p. 126.
8. Antonov I. A. Moral and legal criteria of criminal procedure activity of investigators. - St. Petersburg, 2003. p. 161-162.
9. Lyubichev S. G. Ethical foundations of investigative tactics. - M., 1980. P. 57.
10. Ponomarenko E. V. Grounds for compulsory obtaining of samples for comparative research // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 2. S. 99-106.
11. Assistant A. B. collection of samples for a comparative study // the criminal process. 2006. No. 1. P. 63.
12. Rossinsky, E. R. the problems of using special knowledge in criminal proceedings // Materials of Intern. scientific. Conf. on the adoption of the new Criminal procedure code of the Russian Federation. - M., 2002. P. 36.
13. Ushakov A. Yu. Rasulova N. With. The question of the use of coercive measures in obtaining samples for comparative studies // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia" No. 2 (22), 2019. [Electronic

- resource]. Access mode: URL:<https://zakoniros.ru/?p=34368> (accessed 09.01.2020).
14. Gubin R. N. The concept and essence of a personal search: questions of theory: collection of articles of the XXVII International Scientific and Practical Competition. Penza, August 30, 2019, p. 201-203.
 15. Petrukhin I. L. Freedom of the individual and criminal procedural coercion. - M.: Nauka, 1985. P. 112.
 16. Tkacheva N. V. Application of coercion in criminal procedural activity // Bulletin of the South Ural State University. 2008. No. 28 (128). pp. 60-65.
 17. Mamedov R. Ya. Personal search in the context of consideration of appropriate methods of collecting material evidence in pre-trial criminal proceedings // Gaps in Russian legislation. 2015. No. 3. S. 159.